

Расшифровка интервью

Дата: 11.08.2021

00:00:01

Вот это Татьяна Георгиевна, о ней в газете статья была. «Трагедии репрессированных стали частью жизни Татьяны [нрзб]». В нашей местной городской [газете], у нас три газеты или четыре выпускаются в городе. Это моя личность. Это тоже. Вот мы с этой девочкой знакомы. Когда нам было по пять лет, ой, по семь лет, арестовали отцов. Рядом жили, наши отцы работали вместе. Ныне она умершая, недавно умерла от коронавируса. Да. Заболела, заболел сын. Прыгал-бегал, и на огороде, он купил дом, там дача у него, он хозяйничал, а она ждала: «Когда мне уехать?» Звонит мне: «Скорей бы мне уехать на дачу. Я хоть отдохну там, подышу Ангарой, воздухом». [Нрзб] сын не знал, что он заболел, и ее заразил. Он вылечился сейчас, а она умерла вот недавно, еще 40 дней нет. От коронавируса, в моем же возрасте. Но она [на] год [старше]. Она в прошлом году отметила 90 лет.

00:01:30

А вы так с детства и подруги?

Да.

00:01:32

Так и дружили?

Да. Мы жили, ну, когда ее отец, молодой, преподавал труды в 1-й средней школе, а мой отец, когда они приехали из-за Байкала, их арестовали и сослали. Ну, уехали они, мама как рассказывала, в телячьем вагоне. Их привезли в Черемхово, и там есть общежитие, барак — Гришево. Высадили их там. А семью остальную дальше повезли — в Казахстане Целиноград. Брат ее, сестры, а бабушку вместе сюда привезли. Где-то у меня фотография есть, показать или не надо?

00:02:28

Да, конечно.

Где-то я искала. Ой, а я сейчас отойду — оторвется [провод от микрофона].

00:02:32

Ничего страшного, ничего не оторвется, даже если вы будете плясать.

Да?

00:02:36

Да.

Ну я умею плясать, ага. А, вот, вот. Вот фотография, когда отца арестовали, ему выдали вот такую справку, она сохранилась, 1933 года. Колхозник-средняк. Хотя, было, работал немного и председателем начинающего колхоза, и в комсомоле бегал. Он боевой парень-то. Старший брат у него... Мама говорит, на месте не сидел, всё бегал. И женился — всё бегал, но только не по женщинам, а так бегал, в общественной жизни участвовал.

00:03:24

Где жила семья прежде чем оказаться здесь?

А?

00:03:27

Где семья жила, в каком районе?

Читинская область. Вот даже печать стоит. Читинская область, Быркинский район, село Кути. Но отец родился в селе Горбуново, Нерчинского Завода. А вот как он попал в Кути, я сейчас вот хочу с помощью Татьяны Георгиевны, этой книги, написать на исходе своей жизни, уже

прошедшей, мне интересно для своих детей, как он попал туда. Я прочитала что в 1872 году солдаты... Фамилия у меня украинская первая — Нечипоренко. Солдаты приезжали — при каком же это царе? Где-то написано у Татьяны Георгиевны в той книге. А, это не в этой, я сейчас покажу вам, «Приаргунье» книга, там краеведы собрали в Чите. Служить приехали еще при царе. Они приехали в Иркутск, иркутский губернатор я не помню кто был, он послал их на границу с Китаем. На этой стороне организовались русские, на той стороне — китайцы. Их разделяла река Аргунь. Мама говорит: «Мы ходили через Аргунь, когда она мелкой становилась, когда цвел агуй, а не подснежники, так называли, и мы ходили туда к китайцам за продуктами: сахар конфеты». Я запомнила, она называла: ситец-сарпинка. За сарпинкой, за сахаром. Сахар, говорит, вот такие, горкой вот такой был. Отец потом здесь работал, приносил. А в то время в 1883 году, что ли, там открыли дорогу, через границу проходили в Китай, также как Шелковый путь был когда-то. Проходили туда, и вот там оказался отец, его родственники, я так поняла, его уже, которые служили на границе, служилые люди. Дед, его отец, он ушел на Японскую войну. Да, Японская война, в 1904-м, и не вернулся. Вот бабушка здесь на фотографии, где вот фотографии? А, вот. Нет. Это не его, не ее дедушка, это другой, я перепутала. Вот это вот моя мама, это вот мой брат. Вот этот, самый маленький.

00:06:24

А брат младший?

Нет, младший с 1935 года, Володя, а это старший. Это Ваня, мамин. А в это время... А это брат моего брата. А в это время, я: «Почему, — говорю — мама, ты здесь одна, а нет моего отца?» Она и говорит: «Он в это время служил». Его взяли на службу на действительную, это был 1925-й... Ой, какой же год? 1925-й или 1927-й. В общем, два года что-то служил, я вот не помню сколько. А книгу «Приаргунье» я вам покажу сейчас. Можно?

00:07:08

Нужно.

Хотите?

00:07:09

Хочу.

Сейчас принесу я вам. И самое интересное: [в] то[м] мест[е] в давние-давние времена жили тунгусы, кочевали, в юртах жили. И вот я считаю, что читинские, все вот эти люди, которые там жили, они русские, которые сосланы были и которые служилые солдаты, они, по-видимому, объединялись, что ли, с этими тунгусами. Почему появились полубуряты? Забайкальцы? Гураны, их гуранами называют, это горный козел — у них основное. Вот «Мое родное Приаргунье», вот эта книга. Я хочу через эту книгу, я снова у нее взяла эту книгу, Татьяна Георгиевна, да?

00:07:57

[нрзб] ещё не отдавали.

00:07:59

Ну здесь увидела фамилию, здесь, родственников. Вот на Аргуне они, когда там организовали границу и переходили китайцы, перевозили товары, организовали торговлю с Китаем, вот там отец. Вот это Кути, самое что ни на есть через это село. Вот там я и родилась.

00:08:28

Давайте еще раз скажем название села. Кути?

Кути, Кути — это диалект читинского народа, народа забайкальцев. Кути — это «кухня» по-ихнему, кути. Также как баска — «красивый» значит, «подснежник» — аргуйка. Какие-то еще слова мама говорила, забыла уже, я забыла уже.

00:08:56

А мама знала язык? Язык знала?

Какой? С диалектами? Конечно.

00:09:03

И говорила на нем?

Иногда произносила эти слова, да.

00:09:06

А вы не знаете язык?

Так он не отдельный язык. Это не национальный просто язык их, это просто диалекты разговора. Ну, в каждой местности, так же, как у вас вот в Подмосковье, где-то есть такое оканье, цоканье диалектами. Так же и здесь диалекты, очень много. У меня где-то книжечка есть «Диалекты Забайкалья». И там написаны все вот эти. Маленькая брошюрка, я покупала когда-то, пользовалась в работе.

00:09:38

В какой семье вы родились?

А вы имеете в виду какая?

00:09:43

Вот семья. Вы родились, вы какой ребенок? Старший, не старший, средний? Сколько у вас братьев или сестер старше вас?

Сначала, я не знаю, был ли кто-то, у мамы первый выкидыш. Я вот об этом... Мама никогда не говорила, и вообще она была скупа на воспоминания, потому что она молодой осталась после ареста отца, очень переживала, на трудную работу пошла. И для нее это была трагедия всю жизнь, чтобы вспоминать что-то из этого. И она всегда начинала плакать. Ну я считаю, брат первый тогда, Ваня. Вот этот старший. Где он? Вот. Вот этот вот, вот он, малюсенький. Он родился в 1925 году. 1925. Так. Когда в армию пошел он, два года прибавил себе, и он стал 1923 год. Но я написала вот здесь его собственный год, на портрете. И когда я... Сейчас его жена, она умерла тоже, они на Украине, в Киеве жили. Сейчас они уехали, и живет в Алуште. И вот когда я ей сказала по телефону: «Так Ваня-то ведь не в 1925 году, в 1923-м родился»... Не ей, а дочери. Внучке, внучке уже. Не Наде, Надя-то умерла, его жена, тоже. А она удивилась, говорит: «Разве правда, что папа у нас в 1923-м [родился]?» Я говорю: «Да, папа...» — «А почему нам мама никогда [не говорила]?» Я говорю: «Мама знала, но не знаю, почему она не сказала об этом». Я говорю, он родился в 1923-м. А документы у него все на 1923 год, все до единого. Он ушел в армию. Значит, первый был Ваня. Вторая, по-видимому, я. В 1925-м Ваня родился, в декабре, 29 декабря. Я родилась в 1930 году. Но я подавала, когда мне не выдавали паспорт и свидетельство о рождении не выдавали, я была вынуждена писать туда в архив, в Читту, Приаргунск. Мне писали, три или четыре у меня справки, и везде написаны разные годы: 1930-й или 1931-й, 1930-й, 1931-й, 1930-й или 1931-й. Даже имя было другое: не Евгения, а Геннадия. Геннадия. Вот видите, здесь, по-моему, написано Геннадия или Евгения.

00:12:39

Нет, не написано.

В какой-то справке было даже Геннадия. Это была такая волокита. У мамы так же было точно. И пришлось, когда маме оформляли льготы после смерти Сталина и появилось постановление о льготах, то пришлось подавать в суд, что действительно она является женой моего отца. Из-за одной фамилии Нечипоренко, Нечупоренко, Нечепоренко. Вы понимаете? Поэтому... Я или родилась в 1931 году в декабре, или в 1930 году в декабре. Но мама говорит, что «ты в 1930 году в декабре родилась, накануне Нового года». Она мне так говорила, 30 декабря 1930 года. Брат 25 декабря, и младший брат 1935 года, тоже в декабре. Все в декабре. Все декабристы мы.

00:13:35

То есть вы средняя?

Я средняя.

00:13:37

Золотая середина.

Я средняя. Волнуюсь. Может, не так говорю? Плохо говорю? Я говорила, надо закрыть [окно] — продует, и все. Надо мне... Татьяна Георгиевна...

00:14:06

Я подавилась и не хотела вас пугать, чтобы [нрзб].

Татьяна Георгиевна...

00:14:10

Закашляешь...

Меня судили. Сказали родственники, что надо написать тот, по какому он жил, 1923 год и я хучу переделать вот это. Мне неудобно. Меня даже ругать стали. А я написала: 1925 год.

00:14:29

Ну если это правда, вы же правильно сделали.

Я правильно сделала. Умер он... Под Курском участвовал, через Болгарию, Австрию, до Берлина дошел, ранений много было. Вернулся снова сюда, в Усолье. Служил... Он пять лет войны прослужил, и его оставили действительно служить. Там же, в Западной Украине, во Львове. Он во Львове служил, в Западной Украине. Встретил там девочку Надю, учительницу начальных классов, посланную из Луганска. Но приехал один в 1949 году, в 1941-м ушел, 1949-м вернулся. Пять лет отслужил действительно, в то время же пять лет служили действительно, и война в 1941 году, видите как? А потом эта девочка, декабристка, отучилась и приезжает сюда. Он уже поступил на работу на сользавод. Вот он. Потом завод здесь был. И самое интересное, что провожая ее, я ездила туда два раза. «А мы, — говорит, — ее провожали как в ссылку в Сибирь». И Сибирь они представляли — это тайга, это медведи по улицам. И даже когда я приехала, они спрашивали. И Ваню, моего брата. Он уехал потом, она всё время писала, она здесь у нас год прожила, забеременела и уехала. Без яблок жить не могла. А он отработал, а в то время очень трудно было после войны уволиться, но благодаря маме, которая работала на сользаводе, передовая была, стахановка, в газете о ней писали. Она попросила в отделе кадров, начальника отдела кадров, Снегирев у нас тогда был, я с его сыном еще потом училась в школе, чтобы он поехал туда, на Украину, к семье. Там жена, там ребенок, понятие у мамы, это была верность, любовь — и оставить нельзя. А он, может быть, и не хотел, но я не знаю этого, не утверждаю. И он уехал. Провожали, конечно, его, ну трудно маме было, я помню, она переживала, плакала. Ну что сделаешь? И он там жил всё время. И умер там, он в Сочи умер, в госпитале, от ран. Он приезжал один раз сюда, у него была пуля, что ли, он в шею [ранен был], он говорил плохо, всё время кашлял, и, говорит, не могут уже, сколько было операций, вытащить не могут вот эту пулю.

00:17:35

Это еще военных времен пуля?

Да, после войны. Так и осталась. Он так и умер. В госпитале в Сочи. Даже есть фотография у меня, где он стоит. Я не все там альбомы [нашла], надо было еще посмотреть. В госпитале. Он стоит там: «Июль, жара, я загораю, Женя». Ну, это с иронией. Он вообще парень-то был с юмором. Всегда всё произносил и говорил, относился к жизни с юмором. В спортивном костюме стоит, белых в своих тапках каких-то, в то время носили, мазали мелом, красили. Я на танцы бегала, помню, мелом помажешь свои тапочки, бежишь на танцы. Ну, вы, наверное, знаете, полуботинки такие были. И он там умер. Поехал он лечиться, увезли его. И пишут, что умер Ваня от ранения. Он весь израненный был.

00:18:48

А вот тот дом, в котором вы родились, и вот эта вот семья, где папа, мама и трое детей, вы его помните, этот дом?

Нет. Не помню. Я только представляю и помню по рассказам мамы. Мама говорит, мы жили на этой стороне Аргуни, у горы наш, говорит, дом стоял. На Аргунь бегали за водой, ходили за продуктами к китайцам, я вам уже рассказывала. И когда арестовали, потом появилось постановление, что вернуть. Я маме стала говорить, говорю: «Мама, я напишу. Ведь всё-таки вы приехали». Хотя сказали, что это кулаки раскулаченные. А всех вот этих кулаков сосланных у меня вот есть списки, я всех на Жилгородке помню. Я училась с ними, дети, мы жили в бараках на Жилгородке. А эти бараки были построены в 1930-е годы. Там жили и переселенцы, спецпереселенцы, политические, потом во время войны, после войны украинцев с Западной Украины, евреев сослали, литовцы там были у нас на Жилгородке, в бараках.

00:20:13

Я поясню: это в Усолье. Говорите, говорите.

00:20:18

Там по эту сторону одна сторона бараков. С первого, мы сначала в первом жили, потом вторая

проходила Бодайская дорога, сейчас улица Имени Крупской называется. И третьи бараки стояли — это завода 97, Химпром. Сначала он назывался, закрытый это завод был, там выпускали какой-то продукт, необходимый для самолетов. И это закрытый. Он под определенным знаком числился. Сначала Т-15, потом 97, завод, потом Химзавод, Химпром. А потом уже... Я уже не помню, в последнее время как он назывался. И все мы жили в бараках. Но надо отдать должное — очень дружно, хотя голодные, обреченные, особенно после 1938 года. Все дети, у которых отцов арестовали. Арестовали — обычно приезжали, арестовывали обычно ночью, приезжала, вот это я помню, машина какая-то закрытая черная. Одно время еще потом из фанеры были сделаны такие машины, в которых во время войны возили хлеб. «Хлебовозка» называли их. А здесь черные. Мне почему-то запомнилось, черные. Ну я помню, март месяц. А когда из Черемхова, я пропустила, приехали мы сюда в Усолжье... Почему-то многих разослали — кого в Черемхово оставили, кого в Усолжье, кого в какую-то другую деревню, в село, а нашу семью сюда перевели. Вместе с бабушкой нашей, с мамой моего отца. Где вот? Фотокарточку я вам показывала. Вот она, да. Вот она с нами приехала. И вот эта Мария с ней была, это ее дочь, сестра моего отца. Это Алексей. Это брат моего отца. Вот мама с этой семьей, она со своей кровью своей, деда не было. И вот с этой приехали они. Жили мы сначала на улице Степана Разина, где сейчас проходит трамвай. Степана Разина, 47, как сейчас помню, дом, китайцы жили, а мы в избушке жили. Да, нам там выделили место для огорода, мы картошку садили. Это мне было уже лет, наверное, пять или шесть. Из Черемхова приехали, я точно не помню. Потом отец устроился на работу в 1-ю школу завхозом. Вот там-то он и встретился с Бронниковым Афанасием, который преподавал труды. От здания одна половина — химкабинет был, вторая половина — физкабинет, а вот здесь вот так коридорчик, и тут вот, здесь я хорошо помню, да, это был 1935 год, здесь квартиру нам дали. Отец, мама, я, Ваня, старший. И родился там мой младший брат в 1935 году. Вот в этой школе, в средней. Работали они там. А Тамара со своим отцом, он еще нам игрушки детские делал, тому подобное, они жили на огороде, чуть-чуть подалее этой школы. Где-то вот фотографии у меня этой школы, надо было найти. Средняя школа в ограде стояла, а тут же рядом начальная, большое здание. Ну, у меня есть фотокарточка этой школы. Потом после этого отец решил переехать на Жилгородок и поступить на сользавод работать. Тогда все сосланные, все переселенцы, вплоть до царской, и декабристы там были, и кто там только не был. Работа очень трудная была, соль добывали вручную, поэтому рабочих рук не хватало, использовали как могли. Хозяин тогда, где-то у меня история есть этого сользавода, чтобы добывать вот эту соль, продавать и тому подобное. Когда открыли вот эти братья Михалева наш город, на острове сначала был. И я начала, что вот сосланных всех... А мы жили в первом бараке, у нас было две комнаты, потому что у нас семья-то сначала была большая: бабушка, мама, Мария, Алексей, брат мой младший, родился который, мама и я — это почти семь или восемь человек. А потом они, бабушка устроилась техничкой в 1-ю школу, ушла от нас со своими детьми, а мы остались там. И вот, когда отца арестовали, нас сразу из этой квартиры попросили удалиться — в однокомнатную, в пятый барак. Ну, комната, наверное, как моя кухня, 12 или 14 квадратных метров. Вот мы туда переехали: мама, я, Ваня, старший брат, и Володя. Да.

00:26:33

А бабушка?

А бабушка с Алексеем, со своим сыном, и с Марией устроилась, она уборщица, сначала она работала на курорте техничкой, там крольчатник был, а потом устроилась уборщицей в эту 1-ю школу. Ей дали там комнату, и она туда уехала втроем. А мы остались здесь. Потому что тут было трудно, трудно, по-видимому, и потом бабушка всё говорила: «Что же я не работаю, один Агап работает?» Это отец мой, Агап. Мама тоже не работала, трудно, я еще молодая, ну а мама, не знаю, почему в это время она не работала. Да. Я всё хорошо помню, иногда забываю, склероз уже.

00:27:32

Вы не можете сказать, как мама объясняла? Еще до ареста отца, вы говорите, что вы оказались в Усолжье, в бараке. Почему вас выслали из этой деревни, где вы жили, где вы родились?

Я не знаю, нет, в какой деревне?

00:27:47

Вы родились...

В Кути.

00:27:50

Да. Почему вы, как вы оттуда оказались здесь?

Мама говорит так. Пришел председатель, где там фамилия-то его? Он упоминается в этой книге. Как, ой... Да потом его сестру выселили туда, она на Жилгородке жила. Председатель или секретарь председателя что-то пришел и говорит: «Всё, вот список — восемь человек, или девять, или десять, — вы подлежите высылке как кулаки». Мама говорит, отец возразил, стал возражать, и тот говорит: «У нас постановление». И мама позднее говорила, что кулаки-то остались там, а простых людей, середняков всех выслали, все богачи, говорит, остались там. Я почему тоже утверждаю: все забайкальцы нищие, что они привезли с собой? Вот когда приехали литовцы, они привезли полные мешки пшеницы, отличной золотистой пшеницы, на Жилгородке. Мы у них ходили и покупали, просили эту пшеницу, голодные были, карточная система. А забайкальцы — потник, сотканный из верблюжьей шерсти. Мы спали на полу на этом потнике. И одеяло, из лоскуточков сотканное. И ящик обитый такой по старинке. Вот эти, как их называют, уголки-то треугольные. Железом, медью, что ли, жостью. Вот и всё. Отец сам золотые руки, он сделал стол, когда жили на Жилгородке, сделал скамейки, шкафчик. По их, по-забайкальски, шкафчик называется кесачок. Там посуда хранилась у нас. Как зайдешь, да, вот в дверь заходишь, налево — висит вот этот шкафчик, кесачок, посуда. Здесь стол, сколоченный отцом: крест на крест и вот эта столешница. Здесь топчан, здесь плита в углу и койка. Вот и всё. Какой он богатый был? Какой он кулак был? Не только, извините, не только у нас. Я посещала, там и Михалевы, кто только там сослан не был. Вот у меня список всех, я знаю, кто жил. Михалевы, Лазебниковы, Башуровы, я могу перечислить, потому что мы все дети учились в 8-й потом школе. Все жили вот так нищенски, ни у кого ничего не было. Ну какие они кулаки?

00:31:02

В каком году их сослали?

А?

00:31:04

В каком году они были высланы?

А вот — в 1933-м. Вот эту справку... А мама говорит, Агап пошел в сельсовет. Перед тем как выслать, ему вот эту справку дали, что он с семьей выезжает. Здесь бабушка записана, мать, он пишет. Дальше сестра, брат это его, жена и Иван, мой братик старший. Вот в этой справке всё написано. Вот она сохранилась у мамы. Много документов сохранилось, но мы переезжали, так куда-то и исчезло постепенно. Куда что исчезло, я не знаю.

00:31:49

Вот то место, где вы родились, и вас привозят в Усолье, правильно?

Нет, сначала в Черемхово. Мама говорит, мы доехали до Черемхова, была ночь, темно. Нас выселили, приказали. Ехали в вагоне, стояли какие-то там наблюдатели, или милиционеры, или кто они, сопровождали. Дети плачут, все маленькие, говорит. Но ночью — рев, крик, плач. Никакого смеха. Оставили. А с мамой еще ехала ее сестра, мамина, три сестры, брат, он тогда учителем был тогда, работал там. А кто же еще? Мама говорила. Кто-то еще. Их провезли дальше. Семью брата высадили, где Целиноградская область. Там степи были. Потом еще книга Брежнева была написана.

00:32:57

Это вообще Казахстан? Целиноград.

В Казахстан, да. Северный Казахстан. Она так и жила в Павлодаре, за казаха вышла замуж, три раза выходила. Это уже не относится. А остальных сестер — Лизу, и как еще ее мама, Ира, Лиза... У нее же три сестры было и брат Роман, брат, забыла сестру, вот видите, всех знала. Их провезли дальше. Недалеко от города Алматы, или где, был какой-то лагерь, и там поселенцы жили. Там жены каких-то...

00:33:38

Акмолинск там. И «АЛЖИР» там был.

О, Акмолинск, вот город Акмолинск. Я помню, еще письмо тогда пришло.

00:33:46

«Жен изменников родины», да.

Вот, вот. Они жили там. И потом, когда они уже получили статус граждан Советского Союза, то устроились Балхаш. Потом из Балхаша, нет, в Караганду, [нрзб], Балхаш... Или сначала Балхаш, потом в Караганду, не помню. И жили. Потом она вышла замуж. Тетя Ира — это младшая, старшая вышла, она закончила, по-моему, медучилище. Вышла замуж за дядю Пашу Лазаревича. Они приезжали сюда, они стали разыскивать маму, действительно ли она находится, потому что их же в Черемхово разделили, одну семью — туда, сюда, все — родню. И поэтому они разыскали маму, что она находится... Она самая старшая была. Семья у них была большая, Пешковы фамилия. И они ее звали няня, нянька. Она с ними нянчилась. Они все учились в школе, получили образование, а мама моя не получила. Она говорит: «Я помню, меня моя мама посылала учиться в школы для начинающих». Как в то время назывались они?

00:35:08

Начальная школа.

Нет, не начальная. По-другому.

00:35:13

Церковно-приходские школы.

А?

00:35:15

Церковно-приходская школа.

Нет. И говорит: «Мы ходили в эту школу, я научилась, азбуку я знала». Она писала, расписывалась, читала. Ее любимые книги были Константина Седых, Балябина, забайкальцев. Она всегда читала, а когда «Тихий Дон» она прочитала — не всё, конечно, не хватило у нее, по-видимому, терпения, или уже зрение у нее было плохое — она говорит: «Ну точно, у нас все такие обычаи, как там какие были». «Так выходит, — говорит, — отец-то мой, ой, муж-то мой, оттуда его родственники все пошли». Ну это предположение. Кто их знает?

00:35:57

А мама рассказывала, как она с отцом познакомилась? Как они?..

Мама никогда ничего не рассказывала о себе. И только я узнала кое-что, отрывки из разговора сестер, которые приезжали, маму разыскивали. Они ее очень любили, уважали: «Это наша няня, она с нами нянчилась». Приехала тетя Лиза, потом Ира, младшая. Нет, Ира была с 1914 года, 1914 года. Да. А маме в это время было уже сколько? А мама родилась в 1904 году. А отец в 1905-м. На год он ее постарше был. И вот тетя Ира как-то, между прочим... Лиза-то в 1918-м родилась, в революцию, мама говорит, помнит. Еще вот у нас там бегали по деревне с красными флагами. И отец, говорит, мальчишкой бегал. Нет, не отец, а этот...

00:37:07

Дед.

Дед мальчишкой. Что отец, Агап, бегал, говорит, всё по деревням, везде общественник, что где заводятся, какие-то ячейки были, комсомольские сначала, какие-то просто ячейки, какие-то еще, МОПР-попр, всё тогда вообще. И он, говорит, вдруг однажды приезжает вечером на лошади и говорит: «Я приехал свататься к вам». Михаил Федорович деда звали. Мама Анна Михайловна, мать у нее Дарья Петровна, это я запомнила. Приехал свататься: «Отдайте мне...» «Хочу жениться» или «отдайте», ну, в общем, я не помню это дословно. Всё, на второй или третий раз приезжает — всё уже. И в церкви, вот есть икона, сохранилась у меня, с которой мама выходила замуж, вот она у меня в той комнате. Показать?

00:38:26

Да.

Сейчас покажу вам.

00:38:30

Не снимайте, может...

Она не снимается, она стоит.

00:38:33

Стоит, не висит?

Нет, стоит на комод. Все мамины две или три иконы стоят на комод. Ее собственные, сейчас я вам покажу. Ну, эта уже пришла в негодность, Георгий Победоносец. Я всё хотела его отреставрировать. Вот мама с этой иконой, мама говорит: «Я в церкви, меня венчали вот с этой иконой». Была юбка, кофта, но уже это не сохранилось. Вот с этой иконой, Пантелеимон, с этой иконой Пантелеимона.

00:39:14

Целитель, целитель Пантелеимон.

Да, да, да. Который здоровье нам дает, да-да. Вот с этой иконой, я говорю, почему именно... Видите, как она сделана? На дереве, всё это деревянное, деревенское. И вот эта икона.

00:39:29

А как же мама это умудрилась сохранить?

Ой, Ира, например, рассказывала, прятала она. Ничего не взяла, сразу икону взяла, говорит. И потник, и вот эта икона. Вот видите, даже сделана как она. Всё. Вот столько, вот мамины две иконы. Ну, вот это я не знаю, это бабушка, по-моему, или кто... Но это не наше, потому что я, у нас верующих не было, я была комсомолка, потом членом партии, потом пропагандистом в школе, политзанятия преподавала. Ну, в общем, для учителей. А как она попала? Ну, я думаю, что эта икона или бабушке осталась, она забыла, или что. Она не была такой, она получше была, но она почему-то, видите, она на железе. Вот такие в деревне делали иконы.

00:40:36

Это Георгий же, это же Георгий Победоносец.

Георгий Победоносец, да. Хочу отреставрировать ее, но не могу. Я к одному художнику подошла, он говорит: «Я не буду, потому что это очень трудная работа». Хотела в память. А вот эта икона, это же Казанская, как она называется?

00:41:00

Казанская Божья Матерь.

Вот. Почему она сохранилась, я не знаю, как она попала к маме, тоже не знаю, но знаю единственное: мама ей дорожила. И дорожила вот этой, что выходила замуж с этой иконой, а этой дорожила... Мама родилась 4 ноября, день Казанской [Божьей] Матери, 4 ноября, и вот она дорожила вот этой иконой, что в этот день, 4 ноября, мы отмечаем всегда день рождения мамы. А умерла 28 октября, не дожив до 95 лет сколько-то месяцев. Вот они так у меня остались в память. Хотела отдать ее в церковь, хотела положить в гроб, одни люди говорят, знакомые ее, друзья, подруги, что не надо в гроб, пусть останется память, потом передадите детям как память.

00:42:03

В семье, семейная икона в семье остается.

А?

00:42:06

Семейная икона в семье остается.

Да-да-да, да.

00:42:11

Просто раньше, по православной такой традиции, есть женская линия, где передается по женской линии, и мужская линия, по наследнику. И это не кладется в гроб, это остается в семье, либо по женской линии передается, либо по мужской.

Ну, я не знаю, они остались...

00:42:38

Они остались у вас. Вам нужно подумать, кому из женщин вашего рода вы это передадите.

Ну, верующих... У меня две дочери, внучка, они не верующие, но по крайней мере им останется, наверное. Наверное, младшей дочери, так думаю. Старшая здесь не живет, старшая живет... Как вышла замуж, пожила немного после института, на Севере она работала, а потом она уехала в Татарстан, и так, ну, не знаю. Там видно будет.

00:43:13

Еще хотела узнать, еще вот про этот переезд. Как из родного дома в Черемхово ехали, вы не помните?

Мама рассказывала. Ехали, говорит, в вагоне, даже не было полок, на полу спали, кто на чем. Мы, говорит, на потнике, вот эти лоскутные одеяла, ящик, ну, посуда, естественно, какая-то была, из чего-то ели, и прочее. С собой брали, по-моему, продукты. А везли, говорит, нас из дома на телегах, запряженные лошадьми. А куда, говорит, везли ночью, мы не помним. «Я, — говорит, — не помню. Я уцепилась за ребятешек за своих...» «Ой, за своего Ваню, — говорит, — рыдала. И за тебя. Тебе было совсем мало, три годика. Еще трех-то не было. И ничего не помню, не знаю. Только бы, только были живы, только бы не выбросили их, только бы не умерли дорогой».

00:44:20

А документов, их и не было ни у отца, ни у матери или их отобрали, когда?..

Какие документы?

00:44:28

Ну, паспорта. У матери не было паспорта?

Вот этого я не знаю.

00:44:32

Но если они колхозники, то паспортов, скорее всего, у них не было. Они же в колхозе были? Или они были единоличниками?

Я помню, что-то мама ходила очень долго, вот писали, чтобы получить документ. Не помню я. Мама, когда отца арестовали, [нас] выселили в однокомнатную. Мама хотела устроиться на работу, хотя она была... Ну, это я потом уже, я не понимала еще, что мама беременная и ждет ребенка. По-видимому, небольшая была беременность. Она хотела устроиться на работу, но ее не приняли. Или сослались на то, что она беременная была, или на то, что отца арестовали. Как-то какое-то отношение к нам, ко всем сосланным, у которых забрали отцов... Ведь мы с мамой потом ездили в иркутскую тюрьму. Я маленькая. Сколько это мне было? Лет восемь. Да. В декабре я родилась. А отец уже в это время был расстрелян. Ну, всё, я плачу. По документам я потом, мы узнали, как их выдали. А документы выдавали нам какие. Один документ я писала после... А нет, самое интересное. Я, наверное, плохо говорю, я волнуюсь, да? Или нормально?

00:46:11

Нормально. Вы замечательно говорите.

И я четыре класса закончила начальной школы на Жилгородке. Мы все, сосланные, мы почти в одном классе учились, все ребяташки. Я их помню всех до единого, их уже половины нет, ушли в голубую даль, откуда никто не возвращается. А потом в пятый класс нас переводили в 1-ю среднюю школу. Это с Жилгородка, от 8-й школы, мы пешком ходили в школу в 1-ю. Мороз, холод — бегали. Это ж вообще тогда такие морозы были! По 45 градусов, никаких дней не было. И бегали в школу. Пятый, шестой и седьмой. А в седьмом классе я поступила на работу. Из-за карточек. Или в шестом. Я отработала летом, по-моему. Мама меня увела в контору сользавода. Около курорта на углу стоял дом. Это была контора сользавода. Я только помню, что мне выдали хлебную карточку, я такая довольная! Декада, получаешь хлеб, зарплату, какие-то копейки, я уже не помню. Или 150, или 180 рублей, что ли, было. Не помню. Я устроилась табельщицей. Сользавод на острове расположен. А там проходная. Он огорожен был. Потом его еще больше городили, когда японцев сослали. Я помню, мы бегали туда, его больше огородили, а здесь были не очень. Но была проходная. И вот в эту проходную меня табельщицей, называемой так, [взяли]. Одна так разделена, проходит. Люди рабочие идут утром. А сользавод всегда будил рабочих гудком. Как говорили: «О, будит рабочих!» На весь город, он не такой же город был, старый только город, половина. А это всё построено. Давно.

Что-то говорила и забыла, что, какую мысль. А, да. И вот идут рабочие утром — с шести часов начиналась работа на сользаводе — через проходную. Они идут с бирками. Каждый мне в окошечко подает бирку. А мне чуть было-то лет, мне еще не было 16, 15, однако, было, что-то я уже не помню. Я устраивалась на лето, потом уходила. А я должна вот эти бирки повесить на такую д[оску], там доска такая огромная, и по номерам их развесить. А когда идут с работы, я должна выдать эти бирочки. И напротив сторож был, дядя Андреев. Он и говорит: «Спи, я соберу бирки. Чего ты будешь тут торчать? Уже времени много». И я с удовольствием спала. Я его долго вспоминала. Он жил потом на Зеленом городке. Встречала его, вспоминали, разговаривали. Умер он рано. Его не взяли в армию, но у него сыновья погибли на фронте, ушли. А его не взяли: бронь. Бронь какая-то была, не знаю. А потом меня перевели в бухгалтерию. Я закончила. Послал на курсы счетоводов, потом курсы бухгалтеров, и я работала бухгалтером-расчетчиком. Я уже пошла в вечернюю школу. Восьмой, девятый, десятый класс, вечернюю школу я закончила. А главным бухгалтером у нас был Зенов Антон Константинович, сын сосланного в Александровский централ, где Орджоникидзе отбывал, где декабристы отбывали, где Сталин там проезжал, говорят, и прочее. Мы ездили потом на экскурсию в Александровский централ. Я только помню: огромная, огромная, белая, блестящая вот эта тюрьма. Какие-то окошечки маленькие. Потом она психбольницей стала, туда ссылали неизлечимых. И он, по-видимому, чувствовал. Ну, он, как-то разговорились, биография, я написала, что отца арестовали, т-то и то-то, в вечерней школе училась. И, по-видимому, у него чувство какое-то ко мне родилось, как взаимопонимание внутреннее, что он меня понимает, потому что он сам испытал, они сосланы откуда-то были. И их семья отбывала в Александровском централе. Там поселение оттого и произошло, этот поселок. Он мне и говорит: «Ты куда собираешься, Женя, учиться?» Я говорю: «Я 10 классов закончу, я буду учителем. Я хочу быть учителем. Хочу». И я кончаю в 1950 году 10-й класс. В 1950-м? Он мне выписывает премию, вон у меня трудовая книжка, там написано: «Премия 500 рублей». Вызывает и говорит: «Вот тебе премия». Там много мне благодарностей. Там еще в то время писали, даже отрез какой-то из материала, из которого шили солдатскую форму, вот эта тонкая, зеленоватая, в то время.

00:52:11

Сукно.

Ну не сукно, тонкая. Даже на курточку давали. По ордеру это считалось большое, чтобы шить. Вот я ходила в этой курточке сшитой из-за этого, потому что не было ничего надеть. И я поехала. И только он вызвал... Я долго, мама мне говорила: «Ты никому об этом не рассказывай». Я долго никому не рассказывала. Она говорит: «Не говори, как ты поехала». Он меня вызвал и сказал... Почему-то называл, ну, я ростом невелика была, по-видимому, он постарше, он у нас главным бухгалтером работал, умница, высокий такой, стройный, средний такой, важный. Он говорит: «Будешь писать автобиографию, не пиши, что у тебя отец арестован». Это было в 1950 году. Когда я пришла, маме сказала, она говорит: «Ты никому об этом не говори. Не надо говорить. Мало ли, что еще будет». И мама почему-то всегда говорила: «Что бы вас ни спрашивали, вы ничего не говорите. Время идет, не дай бог повторится снова это». Она боялась, по-видимому. И когда мы поступали с одной девочкой, подружкой Надей, в вечерней школе сидели за одной партой после работы, учились мы с шести вечера, до пяти я работала, с сользавода и бежала в среднюю школу. Ну, знаете, где средняя школа? Где художественная, около курорта. Пешком. И до двенадцати, ну сколько там у нас урок? Полдвенадцатого. А жила на Жилгородке еще, никуда не переехала. И мы туда бежали на Жилгородок пешком. Ну, нас там много было ребят, кто учился, тогда у всех жажда была, особенно у ссыльных, закончить школу, поступить. Или оправдать доверие своих родителей, или доказать, что мы не такие, как... Как на нас показывали: «дети врагов народа». Но потом мы переехали, маме дали комнату, домик. Вот там католическая церковь была, не доходя до курорта. Рядом домик стоял, разделен на четыре комнаты, и в каждой комнате жили. Здесь евреи сосланные жили, тут литовка, тут мы, тут тетя Катя. Все сосланные. В этой комнате мы жили. Я уже заканчивала 10-й класс, уже жила. Это через дорогу, где сейчас, около курорта. Перебежишь — из окна видно 1-ю среднюю школу. Мне уже лучше стало. И биографию написала вот такую. А с нами мальчик поступал, Гладыш Толя. Он был сослан из Молдавии или откуда, я не помню, учился с нами, 10-й класс заканчивал, тоже там, на Жилгородке жили они, родители. А он написал так, как есть, что сослан оттуда-то, оттуда-то, оттуда. И его не приняли. Хотя он сдал не хуже нас с Надькой, с моей подружкой. Поэтому или не поэтому... Ну, тогда в пединститут мы поступали на отделение логики и психологии, мне нравилась очень в 9-10-м классе логика, в 10-м преподавалась, психология с 9-го начиналась. И такой у нас учитель был замечательный, Диана Андреевна. Я запомнила. Ну, это наука. Я поступила. Училась два года, мы учились. А потом закрыли по приказу Министерства просвещения, пришло указание ликвидировать это отделение и дать возможность студентам перейти хоть куда, хоть в любой институт на второй курс. У нас кто-то ушел в институт иностранных языков, кто-то ушел в мединститут, а мы перешли на отделение русского языка, литературы. На учителей. И учились, там уже заканчивали школу. А когда учились на отделении логики и психологии, я помню, на практику ходили в мединститут. Ну, по-видимому, было связано с

душой, с сердцем, откуда, чего это всё берется. И когда я первый раз увидела, нас привели в комнату какую-то, он нам преподавал латинский язык: «Долэ-э-э-эрос, — заходит. — Долэ-э-э-эрос». На «с» всё заканчивалось, я только и запомнила это слово. А там ванная, и в ванной лежит голый мертвый мужчина. И вот он начал спрашивать: это что, это что. Там потом скелеты кругом стояли различные. Вот я никак понять не могла, зачем это нам показывали. Я потом старалась не ходить, мне попало за это. Сказали, не получишь стипендию, если не будешь ходить на лекции. Нет, думаю, ну ни за что я туда никуда не пойду, я останусь здесь и буду учиться. Ну и вот так и закончила. Поступила, в деревне год проработала, вышла замуж. Потом в 5-ю школу меня перевели, сюда в Усолье. В одной вот здесь школе средней 25 лет отработала. И завучем, и директором работала. Потом перевели, закрыли нашу 5-ю школу, отдали ее под спортивную. Меня перевели директором вновь открывшейся вспомогательной школы, где дети учатся, ну, нервно больные. Психически неуправляемые. Я там отработала уже 29 лет. После пенсии сколько? 24, да? После пенсии и здесь 25, да? Да, да. В 1985-м я пошла на пенсию. 15 лет, да? Что-то забыла. А, да, и в 2009-м, 2010 году я уволилась оттуда. 29 лет, выходит, да? Да? 15 и 9 — 20... Нет, не...

00:59:26

24. 15 и 9 будет 24.

Нет, нет. Я здесь вспомогательно еще до пенсии работала четыре года. Это я после пенсии. 28 или 29, что-то вот так. Я уже забыла. Ну я знаю, что у меня стаж работы, если не считать пять лет на сользаводе, 54 года. А если считать на сользаводе еще, то 59 лет стаж работы. Но то не считается. Ну, ушла на пенсию.

01:00:02

Я хотела спросить такую вещь.

Какую? Я, наверное, много лишнего говорю.

01:00:06

Всё хорошо пока, потом еще попрошу показать ва[с] трудовую книжку. Вы сказали, что она сохранилась. Не сейчас. Мы еще, если можем поговорить, можем? Если устанете, скажите мне про это. Я хотела спросить про самое вообще первое ваше собственное воспоминание. Неважно... Ну вот что вы про себя, Евгению Агаповну, помните самое первое? Какие ваши, пускай, может, отрывочные воспоминания? Себя.

А вы имеете в виду воспоминания...

01:00:37

Ну вот себя как вы помните? Первое что про себя помнится?

Вот я единственное, первое, я не помню ни Черемхова, ни Гришева, никакого поезда, ничего я не помню. А я только, единственное, помню улицу Степана Разина, где сейчас проходит трамвай, Комсомольский проспект, дом 47. А напротив татарское кладбище, оно и сейчас там, отдельно было. А недалеко большие сосны, тополя, они и сейчас там стоят, четыре или пять этих тополей. И мы бегали играли. Когда хоронили, по этой улице музыка, мы, ребяташки, бегали. А где тополя, мы играли и ловили, в май или в теплое [время], каких-то жуков. Всё бегали за этими жуками. А недалеко, недалеко была столовая. И это столовая какого-то подсобного хозяйства. И мы стояли около этой столовой, хотелось иногда поесть, но есть всегда хотелось, всегда полуголодные. И там работала, я не помню, женщина, по-видимому, с добрым, отзывчивым сердцем, внимательным к ребяташкам. И мы собирались там, она нас угощала. Какие-то булочки или хлеб, что-то она нам давала. Может быть, не настолько мы были уж и голодные сильно, но мы ели это с большим удовольствием. Вот я помню этот дом. Хотела в архив обратиться. Потом я помню, я не помню, дальше что. Где-то у меня фотография была: отец, поле. Он с дядей Колей Филимоновым, тоже сосланным, сидят на этом поле недалеко. Или я там, или мы с Машей Филимоновой. Филимонов да, Филимонова Маша, мы потом с ней в одном классе учились. И потом, я помню, в 1-й средней школе когда работали, Володя маленький. Значит, он родился, по-видимому, раньше. В школе мы проработали года два или три, мы там жили. Мы учили его ходить. Вот это я помню. Вот так. Здесь скамейка, или койка, или кровать, не знаю. Отец мой. Еще не арестовали. Это не 1938 год. Мама на этой стороне с отцом, а мы с Ваней... Да, с Ваней, вот с этим. Или мама с нами сидела, или отец, я не помню. А Володя вот этого маленького, вот он где на фотографии, братишка, мы его учили ходить: «Ну иди, Володя, сюда. Вовочка, иди». То они попросят, мама с отцом, то мы с Ваней. Вот это я помню. И еще я помню, Колпаков Афанасий, забыла его звать. Ученики же всё время бегали на химию, на физику через наш коридор, мы здесь жили. Он приносил сделанные из железа, из

прутьев железных, кровати детские. И он всегда приносил и мне давал вот кровать. Потом как-то принес столик деревянный сделан, и стульчики. Ну, видит — девчонка маленькая. Он своей дочери делал, Тамаре, и мне делал. Мы потом с Тamarой разговорились, она говорит: «Так папа мне это делала, я помню хорошо». Вот это помню. Потом помню, курорт. Бабушка устроилась на курорт. Там еще столовая была летняя и крольчатник. Прямо вот клетки для кроликов стояли друг на друге, и огорожен не был курорт. Вот такой оградой. И она кормила эти. И однажды мне говорит: «Пойдем». Я с ней ходила. Потом бабушка работала техничкой в первом корпусе. Он тогда был длинный корпус, это сейчас половина. И там в этом корпусе, я помню, огромный-огромный самовар и зеркало старинное. И бабушка говорила: «Это, — говорит, — купеческое». В моем представлении купеческое — что-то необыкновенно богатое. Ну и в столовой вкусное что-то давала бабушка, я помню. Из-за этого я, наверное, и бегала туда, чтобы вкусное получить, поесть. Вот это помню. Помню Марию, тетку, сестру моего отца. Помню брата. Он учился здесь, в 1-й же средней школе. Потом они уехали, он закончил железнодорожный институт. Или нет. Железнодорожное училище. Тогда, по-моему, института не было. И его послали работать как раз накануне войны в Алматы, в Казахстан. И он там жил, я помню. Алма Ата город. Алма Ата, улица. В то время Алма Ата называлась. Еще он яблоки нам, «апорт» называется, казахстанские. Ой, необыкновенно! Таких больше яблок я никогда не ела. Посылки посылал нам. И он работал там. А вот он, а он же имеет право, льготы по всему ездить бесплатно. Вот он нас тоже разыскал. И приезжал сюда в Усоле раза два или три. Потом приезжал, Ваня когда женился, на Украине остался с Надей, туда, к Ивану приезжал. Ну, в общем, он разыскал всю родню. Потом разыскал дядю Романа в Целиноградской области. Ну, надо отдать ему должное, он помогал разыскивать сестрам всех родственников, кого куда послали. А потом уже начали переписываться, письма, взаимопонимание, поздравления, родные. И тетя Ира вот приезжала перед смертью. Умерла потом она, в Павлодаре так и умерла. Сейчас уже я не знаю. Брат Валерий, ее сын, в Сочи где-то или в Ялте живет. Дочь там в Казахстане, в Павлодаре. Мы держали связь, пока была мама жива, пока была мама жива и ее сестра Ира, а дети между собой — уже не та связь. Исчезла. Вот это помню. И помню... Что вы еще спросили? Что еще?

01:08:15

Помню я, да. Из 1-й школы я не помню, но я помню хорошо, мы оказались в первом бараке, за стенкой Михалева. И в одну ночь арестовали дядю Колю Михалева, за стенкой. они у нас жили, моего отца, Ларионовы, Аршинские. Мы все в одном доме жили. Башуровы. Ой, кто еще? Я забыла. Да у меня здесь записаны все, я всех помню, кто в каком бараке. Пушкарёвы. Былковы. Это я помню, с ними училась. Меншиковы. Мы учились в одном классе все. И еще отец пришел с работы и говорит... Мама заплакала, говорит: «Тут что-то аресты, аресты, аресты...» Он говорит: «Ну кто знает? Может, и сюда приедут. Сейчас не разбирают, всех что-то берут». В этом отношении они с мамой начнут говорить, что-то плакала мама. Или по-своему о политике говорили. Это нам не было понятно. И помню, когда приехали. Вдруг ночью. Нет, не ночью. Вечером ли, темно ли было. Мама говорит: «Ой!» По-видимому, она ждала, что ли. «Ой, подъехали. Ой, подъехали». Сразу зарыдала, заплакала что-то, помню. Мы ухватились с Володей около нее, а отец... Лапта такая, на которой шьют, прибавают обувь, ремонтируют надевают. А он как раз сидел или мне ботинки подбивал, или Володе, или маме. Но я помню, вот это в руках он держал и вот на лапту железную какую-то такую, знаете, сделанную, гвоздиками прибавал. Он говорит: «Нюра, не беспокойся». Мама Анна, он называл ее Нюра. «Нюра, не беспокойся». И вдруг что-то сразу появились, в черном они, в шинелях. Трое забежали такие. Это я потом, это я даже не помню, но мне показалось, страшные, злые люди. Двое ли, что ли... Вот эти иконы бабушкины, вот может быть, и осталось это, у нас остались, она их с собой туда не взяла. И вот эти иконы были. И бабушкины. И они стали искать. Вон табуретку, но стульев не было у нас, какие-то табуретки отец сколотил сам. Шариться за иконами. Что искали? Непонятно. Собрался. Я не помню даже, как отец собирался. Мы так рыдали, плакали. Это я хорошо помню. Подошел, приобнял, говорит: «Нюра...» А мы хотели, мама и я, что-то мама ринулась к двери. А тогда не закрывались двери, там нечего было воровать, двери были открыты: пожалуйста, заходи. Тогда и не было такого воровства. А чего воровать-то? Или мама нас за руки взяла, подвела к двери, или хотели мы отца проводить, или что, или вслед посмотреть. Но кто-то из них, я не помню, грубо так сказал: или «отойдите, уходите», или что-то такое. Ну, в общем, дали понять, чтобы мы не шли. Отец только сказал: «Нюра, берегите ребятшек». Или детей, я не помню даже второе слово. Его увезли. Вот это я хорошо помню. И с тех пор это было страшно. Многие люди, знаете, в войну познается бескорыстие добрых людей. Вот я потеряла тогда хлебные карточки, на декаду добавили. Мама после смерти отца, после родов, мальчик родился мертвый, там была единственная больница, где, на берегу у нас, онкологии. Мама устроилась на работу, белила бараки. Как вот эти называются, на которые становятся? Козлы, да? Она уходила на работу, а я старшая была. Она оставляла карточки отоваривать, хлеб, хлебные. Ну, у нас там барак девятый, да, там садик был. Тогда Володю не приняли еще в садик. Мама повела его. Я с ним сидела, мама нас замкнет, уйдет на работу. А здесь, когда отоваривали на хлеб, она говорит: «Сегодня, Генушка, купишь хлеб». Я пошла с карточками. Надо было мне отрезать талончик на сегодняшний

день, а я взяла на декаду, как отрезано было, на три декады. Три, на декаду. Тут числа и граммы стоят, 250, по-моему, или 300 граммов. А мама перешла уже на трудную работу, где работали только мужчины: выемка соли вручную. Огромнейший, я была там, черен, кипит рассол, соль. И вот тут ступеньки. Женщины все единые, сразу пришли. Одни мужчины работали, все женщины пошли туда работать, жить-то надо было, побольше карточка. Хлеб она давала 700 граммов. И вот из фанеры лопаты сделаны, черенки. Черенок. И они должны были вот эту соль из черена поднимать на полтора метра. Как будто гардины вот эти, ну как сушилка, чтобы там вытекал рассол, а соль сохла. Это очень трудная работа, очень. И вот на этой работе она работала. Ну и она сказала: «Выкупи хлеб». Пошли мы с Володей. Я говорю: «Володя пойдем». Мы везде с ним бегали. И крапиву рвали, и лебеду рвали, и картошку, и щепки воровали, турнепс. Ой, чего там только... Что-то поесть надо было. А там цыгане. Каждое лето приезжали, цыганский табор. Берег Ангары, красивое место. Это сейчас всё застроено. А лес дремучий! Сопки. Когда цветет там — ой! Столько цветов было! Мы бегали через ров. Из школы выбежишь, вот так по дороге — и тут лес. Да мы еще за шишками, за ветками ездили с Володей всегда туда, до самовара. Самовар большой у нас старинный был. А цыгане приезжали на лето. Красивые шатры. Они играли в бубен, плясали, и все наши молодые парни и девчонки собирались на берегу, где вот бойня там была, где сейчас каркасные там. Там бойня называлось. Привозили скот откуда-то, очень много скота. Ну потом, уже постарше я была, сказали, что из Монголии или откуда, ну не знаю. И там убивали, на мясо, куда мясо это увозили, не знаю. И вот эти цыгане шуровали. У кого были какие-то куры, кто побогаче жил, воровали. И начали лазать. И уже начали закрываться. Хотя у нас нечего тащить. Мама говорит: «Закройте, последнее утащат. Постель утащат». Они шуровались. И они знали, что в этот день отоваривают, там же не каждый день отоваривают по карточкам. В этот день отоваривают карточки на хлеб. Ну мы с Володей пошли. Как? Что получилось? Хватилась — а хлебных карточек нет. Ой, сколько было это горя, слёз. Но была воспитательница, знакомая моего брата. Сима ее звали, Звонкова. Она пришла, сразу же узнала об этом. Это голод был, это всё, безысходное положение. Хлеб, последние граммы. Пришла, принесла нам чего-то хлеба, чай вскипятила, мама на работе была, напоила нас с Володей. Потом Новый год. Володя не ходил. Она пригласила на елку в детский садик нас. Мы сидели на стульчиках, Володя со мной, я с ним сидела. И вот те[м], кто не ходил в садик, давали булочки какие-то или что-то такое печеное. Или пряник. Нет, пряников не было. Мы получили с ним по булочке. Вот так дают, а мы сидим. Володя на меня смотрит: «Я возьму?» Я говорю: «Нельзя. Может быть, нельзя. Нельзя». Что-то постеснялись. А вдруг, может быть, нам не положено, что мы дети врагов народа. А Митя Семко сидел, хулиганистый, Гошка Михалев, они такие отъявленные были парни. Они: «Бери, Генка, бери!» Еще тянутся. Мы взяли, ушли с этим. Вот это я тоже помню. Ну ничего, пережили. Мама вечером пришла с работы, рассказываем. Мама строгая была, принципиально строгая. Ну если бы она нас не воспитывала строго, что было бы с Володей? Кто знает? Ой, со старшим братом. Она не ругала, ничего. Она говорит: «Ну что сделать?» Заплакала, и всё.

01:19:09

Но это не строгая.

Мудрая. Внимательная, тактичная. Мать есть мать. Вот это я помню, хорошо помню.

01:19:27

А отец? Вот это такое очень отчетливое воспоминание ареста. А есть какое-то воспоминание обычной жизни? До ареста? Вы его как-то помните? Как он с работы приходил? Вот вы говорите [нрзб].

Я помню, когда мы нянчили Володю, когда мы жили на Степана Разина, улица Степана Разина, я помню. Что-то мама меня послала, что ли. Почему я пошла искать отца? Я когда зашла за дворы, где китайцы жили, а он сидел с дядей Колей Филимоновым. Я почему запомнила фамилию? Потому что я потом училась с его дочерью, вместе мы в школу ходили попозже. Вот это я искала. Но он сразу, я говорю: «Пойдем». Но тогда не звали папа, а звали тятя. Тятя, отца. Он сразу встал, пошел спокойно. И помню еще один раз. Он всегда зарплату приносил... А потом, когда нас на Жилгородок, он пошел работать землекопом, чтобы побольше зарабатывать. И все землекопы были наши мужчины, сосланные. Это еще до ареста. И там пристань была далеко. Вот там была пристань, не здесь, а там. Пароходы подходили по Ангаре. И там строительство было какое-то, и нужно было копать для этого строительства. Их называли землекопы. Там больше получал он. И вот, помню, однажды, он всегда: «Ой, зарплата». А мама говорит: «Ну, сегодня отец нам что-нибудь купит вкусненькое, принесет». А что вкусненькое-то? Деньги нужны для этого. Хотя и было уже, появлялось что-то стало. Ну, появлялось из-под полы, там побогаче которые, начали там ходить по квартирам, по домам, ой, по баракам, предлагать. Ну, это уже будущие дельцы, олигархи. Они потом стали... Их дети богатыми стали от Химпрома. Все завели. И помню, однажды он пришел выпивший. И мама стала ему говорить, а мы в той комнате были, еще жили в первом бараке. Мама заплакала, закричала, и он тоже,

он говорит: «Успокойся. Успокойся, Нюра. Больше этого не будет, Нюра». Вот что-то помню, что вроде как он будто оправдывался. Может быть, и не эти слова, но я помню, что когда она заплакала, но после этого я не видела его ни пьяным, [ни] чтобы он ругался, кричал, оскорблял. Не помню.

01:22:38

А вот до ареста вообще как день строился? Вы всей семьей завтракали? Или бабушка всех кормила? Вот утром вы просыпались, что было потом?

Нет, бабушка сразу от нас уехала, она мало с нами жила, очень мало. Она сразу стала устраиваться на работу. Говорит: «Вам трудно будет, своих надо кормить — и еще моих кормить. Я пойду на работу». Вот она и уехала в среднюю школу. Она мало с нами жила. А день — просыпался, отец на работе. Мама... Она ведь тоже работала немножко в садике, что-то я помню, однако, техничкой. Вот она где-то работала. А! Она уходила на работу уже после ареста отца и нас с Володей оставляла. Замыкала. Боялась, что Володя убежит от меня. Мало ли что, ребенок. А какой завтрак там был? Мама на работу в шесть часов, никаких выходных. Хлеб разделить на три части, вот тебе, тебе кусочек. А Володя уже знал, куда мама прятала эти кусочки за икону, он поставил, уже побольше стал, ему уже три годика было, четыре, поставят — низко иконы были эти, этот косячок, на котором они стояли, — возьмет, каждый кусочек обглодает, три кусочка, и положит. Мама приходит, возмущается. Я не помню. Но помню, всегда мама делала весной, вот запомнила, окрошку. Большая чашка, квас или не квас, ну что-то было. Это уже потом. Мы садились за этот стол. Или суп наливали, помню что-то. И мы ели из общей чашки все: Ваня, Володя, я, мама и отец. Вот это я тоже помню. Ну помню его, он всё что-то рассказывал. Он такой был на язык... Мама говорит, что старший, Ваня, говорит, чистый Агап, такой же, как отец. Всё ему надо знать, везде, говорит, нос совать и тому подобное, толкаться. Всё знает. Много знал каких-то анекдотов, всё это рассказывал. Он грамотный был. Читал хорошо. Книжки читал и что-то рассказывал, пытался. А больше не знаю. Чтобы роскошно были обеды или завтрак, я не помню. Мы вечно что-то... Что ели? Жмых, канифоль. А жмых как? Он же продавался на рынке, 10 рублей вот такой кусочек жмыха. Там же на пристани Федя жил, чуть-чуть постарше нас, у него лодка была. Но это тоже будущий олигарх был бы. Он: «Собирайтесь, жилгородские. Поедемте за луком полевым да за щавелем на остров, на Березовый». Через Ангару Березовый остров. Там цветов столько много было всегда, ой, чудо! Красивое место, теплый заливчик, мы еще купались, он разрешал. Вот он нас перевезет на этот Березовый остров. Он и сейчас этот Березовый остров есть, всегда там прохожу если, проезжаю, то вспоминаю. Нарвем луку полевого, он большой, мы мешки с собой возьмем, туда натолкаем очень много луку. Щавель потом, на поляну он ведет. Наделаем пучков. Федя с нами идет на рынок. И мы на рынке, вот который где сейчас «Элегант». Там деревянные эти стояли огромные. Мы стоим, вся детвора жилгородская, с этими пучками. У кого больше, у кого меньше. Проторговали.

01:27:11

По чем продавали?

Ой не помню я, по чем продавали. Я только помню, что я бегу скорее жмых покупать. И десять, да мы, не я одна. Хватаем. Катька Бутакова, Таня Михалева, Маша Балагурова, Ольга, забыла фамилию. Лариска. Танька Былкова. В общем, бежим, купим и едим. Вкуснее ничего не было. Проглотишь это. А потом мама заболела, заболела, заболела. Ее положили в больницу. Плохо было. Хотели нас отдать с Володей в детдом, но появилась одна соседка, татарка. Запомнила ее, тетя Зина, Зинаида Гумаровна Колубекова, по-моему. Я потом позднее училась с ее сыном в девятом классе вечерней школы, точно. Она появилась, нам помогала. И подошло время копать картошку. А тогда выделяли сотки сользаводу там, за пристанью, на горе. На человека сколько? На иждивении если два-три человека, побольше соток дают, на одну сотку или [сколько], я не помню. И вот полоска, надо копать картошку. А кто копать-то, мы вдвоем будем? Все копают. Всем нужно вовремя выкопать, иначе снег выпадет. Да мало ли какая будет причина. И она помогла нам копать картошку. Она пришла с какой-то женщиной. Вот это я тоже хорошо помню. Я ей была благодарна всю жизнь. Потом, когда мы жили на Сталина улице около курорта, в этой комнате, дом на четверых нас, у нас протекала крыша. Дождь идет — и течет. Тазы поставим, какие-то черепки, ведра какие-то старые. Течет, течет, течет. Мама пошла в завком. Написали, ничего, никакого ремонта нет. Она написала, пришла к нам, написала. Я уже училась в вечерней [школе], не то в восьмом классе. Мама написала заметку в газету. Я долго хранила. Мама стахановка, там сфотографирована была. И вот эту заметку. И не знаю, поэтому или не поэтому, но пришла комиссия, посмотрели. Кто-то приходил, проверили, что-то составляли акт. И дали комнату на Жилгородке. Побольше. И снова туда мы переехали. Да много случаев было таких, которых и помнишь, и которых не помнишь. Но перелистываю страничку за страничкой свои уже ушедшие далеко-далеко годы. И думаешь: боже мой! Сколько моя мама пережила. Вырастить нас, голодных, но всё-таки она дала возможность каждому из нас получить образование, быть людьми честными, добросовестными,

добрыми, чуткими, работающими. Что-то еще помню, уже забыла. А, помню еще, когда умер Сталин.

01:31:10

Расскажите.

Ой. Я училась уже в институте, на втором, по-моему, курсе. В общежитии жила. Да. Ой, все бегут девчонки, парни. Но парней-то было мало у нас. Девчонки. Парней было много на физико-математическом и на историческом, а что-то у нас на отделении логики и психологии мало было. Нет, было четыре парня. Четыре. Леня, всех помню. Сразу все-все в актовый зал, все собрались в актовый зал. А в актовом зале читали общее: политекономии, по политике читала, потом по технике безопасности, что-то еще, какие-то предметы общие. Собирались там и географы, и биологи, и математики, и физики, и химии, и русаки. Ну, в общем, все собирались в этом актовом зале. Там и танцы проводили, и елки мы проводили. Это самое лучшее время. Кто в чем одет. Это уже после войны. А! И вдруг в актовом зале объявляет Прозоровский, был директором он, объявляет: так и так. Ой, все рыдаем, все плачем. Только плач слышно было. Это надо отдать должное, как нас воспитали. В кино придешь — появляется образ Сталина. Молниеносно весь зал встает — и рукоплескание. Вот насколько в нас впитали к нему уважение. А потом разочарование.

01:33:19

Можно вопрос? Вопрос можно?

Пожалуйста.

01:33:23

Вы сказали, что вы помните, как вы с мамой ходили в Иркутск, чтобы передать отцу передачу?

Да, мы ездили. Ну что, приехали туда.

01:33:33

Как собирались? Как собирали эту передачу? Что положили?

Вот этого я не помню, мама не одна была, там много женщин было. Много женщин. Несчастные женщины, так они остались верны своим мужьям. Никто из них замуж не вышел. Воспитывали детей, работали, кормили. Я не помню, что собирали, чего. Только сказали: «Всё, поехали». Не только я одна там, и с другими мамами поехали. Приезжаем. Я не помню, что было, я помню только единственное. Мы приехали, подошли. Даже не помню, заходили туда, не заходили, только помню, мама зашла. И вдруг выходят и говорят... Или переслали куда-то, но не сказали, что... А он уже был расстрелян, потом по документам я узнала. Это было в мае месяце, мы ездили, да, после школы. Или после чего? Что сослали в неизвестном направлении, что-то такое, неопределенное. Вот и всё.

01:34:46

Сказали, скорее всего, матери: 10 лет без права переписки. Выслан в дальние лагеря, 10 лет без права переписки. Какая-нибудь бумажка у нее была или только на словах это объявили?

Нет, а маме не говорили. А, про отца? Ничего. Никакой бумажки, ничего не видели. Нет. Там сказали, не допустили, и всё.

01:35:11

И передачу не взяли?

Вот этого я не помню, я знаю, что мы пустые ехали. Какая-то сумка была сшитая из тряпок у мамы, но мы без сумки ехали.

01:35:20

Значит, взяли передачу?

Не знаю. Взяли там они или не взяли, или оставили, или другим отдали, вот этого я не знаю. Туда нас не пустили, мы были на улице. А их пустили по документам, а нас никого не пустили. Мы, ребятня, и бегали.

01:35:38

А, вы... Маму пустили? Маму запустили куда, да? А детей не пустили?

Да. Но мама одна была, не одна была. Там много женщин было. Ну и мама после этого уже, конечно, расстроенная. Вот я не помню, говорила нам мама, почему так и что так... Мама вообще на детей, редко говорила, она всегда плакала. Она мудрая женщина была, умная, если бы ей образование. Она умела себя держать и нас держала, где надо, лишнего не скажет, и нам так же говорила. Мы ведь до 1953 года боялись, молчали, никогда, нигде ничего не говорили. Потому что скажешь — посмотрят на тебя как на ребенка врага народа. И были такие выпады со стороны более таких обеспеченных людей, но сплоченность между ссыльными вот этими, репрессированными, забайкальцами, я больше не видела такое взаимопонимание, такой дружбы. Тетя Макариха, Макариха этого... Ой, прибежит, ее Макарихой [звали]. Мама заболела, она картошки то принесет, одну-две, я жарила картошку, мы даже с этой, скорлупой. То какой-то кусочек. То тетя Катя Михалева, за стенкой которая у нас жила, потом она к нам в пятый барак ходила. Да их тоже куда-то переселили. Вот этого я не помню. Какое это было! Ну и были такие люди, которые свысока поглядывали, не замечали, с пренебрежением, с таким... Помощи я не видела с их стороны. Ну отдать должное надо учителям, которые тогда... Холодно... Это уже я пошла поздно в школу.

01:38:09

Вам где-нибудь в анкетах писали такую аббревиатуру: ЧСИР, член семьи изменника родины? Не было такого?

Нет. Никогда, ни у мамы, ни у кого. Потому что дядя Роман, это грамотный учитель истории, мамин брат, Алексей, брат отца моего, он тоже закончил институт, работал в Алма Ате, потом из Алма Аты он уехал в Сочи. Вот когда едешь в Ставрополь, да, в Ставрополь, по Ставропольской дороге едешь туда, где курорт Пятигорск... Я ездила туда, там тетя моя жила, сестра моего брата, в Черкесске и прочее, горы белые, белые, белые, и там Машук, вот эти... Отец работал там... Ой, отец, брат моего отца, он работал там инженером и ходил в секцию альпинистов. И на самый вот этот Машук, Эльбрус, я потом решила, вспомнила его слова, думаю: ну-ка попробую по дороге проехать. Я на курорт ездила, к тете ездила в Черкесск, она жила там, сестра моего брата. Мария вот эта маленькая, где она там на фотографии? На первую ступень заехали, площадка, там кафе, на третью еще выше по канатной дороге, ой! Глаза закроешь и боишься. Внизу цветы, зелень, а поднимаешься — всё больше и больше снег, горы, боишься, глаза закрываешь. Он там всё время, и он любил спорт, катался, катался и внезапно на работе и умер за столом что-то. Не знаю, сердце.

01:40:04

Правильно я поняла, что из семьи был репрессирован отец?

Да.

01:40:11

А узнала ли мама, что он был расстрелян? Или не узнала?

У меня первый документ пришел, 1953-й, я написала в Читинский военный округ. Тогда в Иркутске не было военного округа, а в Чите был закрытый город. Чита [город] закрытый вообще. Писала туда, лагерь там главный был. У меня документы все есть где-то. Тут они или там они? Об этом написаны. Послали свидетельство о смерти на мамин адрес. А, вот здесь, наверное. Татьяна Георгиевна, вот еще. У вас есть такая? Ездили это мы в Пивовариху, на мемориал, целая бригада. По-моему, вот здесь у меня отдельно в папке. Ну, вот раскопки, где раскопали. В 1989 году мы с Тamarой впервые ездили. Сказали, что там было поле, садили. И студенты университета были на раскопках, нашли. Из газет я вырезала. И мы поехали туда, и как раз хоронили. Первое захоронение на мемориале, Пивовариха. Вот у меня здесь что-то, по-моему, есть. Да, выслали свидетельство, вот оно, да. Свидетельство о смерти, что он умер, где-то здесь. Очки где-то мои. А, вот. Вот очки. Когда-то ни очков, ничего не было, это здоровье было, все было, а теперь уже всё на исходе. Нечипоренко Агап Егорович. Умер 29 августа 1944 года. 29 августа и тому подобное. Возраст... 1905 года. Причина смерти — язва желудка. Вот такой мне документ, свидетельство о смерти выдали.

01:42:44

Мама же живая еще в это время?

Конечно, мама была.

01:42:48

Мама получила вот такое свидетельство о смерти?

Да. Потом... Я не поверила.

01:42:55

А мама поверила?

Нет. Она сразу ничему не верила. Она только говорила: «Решили мужиков. Решили наших мужиков». «Это, — говорит, — всё болтовня». Потом в военный трибунал Забайкальского округа я написала, и такая справка пришла. Дело по обвинению Нечипоренко Агапа Егоровича [19]05 [года] рождения пересмотрено военным трибуналом Забайкальского военного округа 9 апреля 1957 года. Постановлением отменено делопроизводство прекращено, гражданин Нечипоренко реабилитирован посмертно. Вот еще справка. Тут много справок. Я писала, куда только я не писала! Вот это Владик поотвечал. Это уже... Постановление. А вот это что? А, пересмотрено. А главное дело, в одном не пишут, что пересмотрено, когда, нет, пишут. В 1938 году еще пересмотрено. Вот. Постановление от 15 мая 1938 года отменено и пересмотрено. Вот еще справка о пересмотре дела. Вот еще справка. Ой, сколько я не писала! И в Иркутск. Потом в Иркутск написала, сказали, перевели военный округ, ищи ты сюда, у нас свой. Я пошла... Чайка у нас был, который потом в Москву ушел, стал там главным прокурором. Вот это я писала о брате, чтобы маме найти документы, льготы получать. Видите? Они пишут: проверено, с 1922-го по 1927 годы архив не сохранился. Вот справка о рождении отца моего. В апреле в архиве Приаргунского райсовета, ЗАГСа, Читинской области, по Дуройскому сельскому совету... А, это я. Нечипоренко Геннадии Агаповны. Родилась 22 января 1931 года. Видите? А, 1 января 31 года. Вот, видите?

01:45:16

Не Евгении, а...

Геннадии.

01:45:17

Геннадия.

Когда я пришла, мама говорит: «Что они придумали, какую ерунду, какая Геннадия? Не ходи, паспорт не получай на это имя».

01:45:28

И всё-таки я еще раз спрошу. Мама еще одно свидетельство о смерти получила, где было написано «расстрел»?

Однако нет, я не помню.

01:45:39

Получала, получала. В книге же два [нрзб] свидетельства о смерти.

01:45:44

Да, еще где-то вот это. А вот это уже... Нет, я доскажу. Когда у Чайка была, у Чайка, да, вот это — тут всё подробно мне написали. Подождите, когда же это я была? Была эта мама? Мама еще, однако, была живая или нет ли? Евгения Агаповна, ваш отец, Нечипоренко... села Горбуново Нерчинского Завода, Читинская область и так и далее, работавший землекопом, так и так, уголовная ответственность по статье 58а, 58-2, 58-7, 58-9, 58-11, постановлением Тройки НКВД по Иркутской области от 15 мая 1938 года, являлся участником контрреволюционной белогвардейской террористической диверсионной повстанческой организации. Вот это я когда... Нет, мама была жива, вот это прочитала, мама говорит: «Ой, какую ерунду написали! Отец наш, какая...» — говорит. Она не верила ни во что, и даже... Дата смерти — 19 мая 1938 года. И дальше написано: «К сожалению, точное место захоронения вашего отца неизвестно, вероятно, в поселке Пивовариха в районе Иркутска, где открыт мемориальный комплекс жертвам политических репрессий. Нечипоренко Агап Егорович реабилитирован определением военного трибунала Забайкальского военного округа от 9 апреля 1957 года». Подождите, а открыт-то мемориал был в 1989 году? Мы ездили с Тamarой на открытие этого мемориала, огромный гроб, обтянутый, большущий, длинный, широкий. Восемь гробов были, обтянутые, и хоронили их под оркестр, конечно. Священник был. Но сколько было людей на этом открытии! Со всей Иркутской области. Это как на демонстрацию мы ходили раньше, при Советской

власти. Уйма народу. И когда мы ехали, мы на машине на частной ехали, Тамара, я и ее сын, по дороге. Уже снег выпал. Стояли вот так вдоль дороги, как ехать к Пивоварихе, вот эта старая дорога, столы. Самовары на каждом столе, блины и кисель, чай. Люди подъезжали со всей Иркутской области. И буряты, и русские, не русские, евреи, кого там только не было! Ехали, ехали. Это была длинная, длинная вереница машин, пешех, и тому подобное.

01:49:02

Это открывали Пивовариху как место, где захоранивали расстрелянных?

Да.

01:49:08

Место расстрела.

01:49:10

Там расстреливали? Потому что у нас, например, по Петербургу, у нас есть такое Левашово. У нас расстреливали не в Левашово, у нас расстреливали в тюрьмах. Ну, там два есть, две тюрьмы, где стреляли. И потом тела везли в Левашово, в Левашово они только зарыты.

А вот в этой Пивоварихе...

01:49:30

Специально. Там был[и] поля.

01:49:32

Не убирайте, пожалуйста. Мы еще говорим.

Там были поля колхозные, садили картошку, и кто-то из местных жителей, рассказывала библиотекарь приглашенная, нашел какие-то вещи. И дали знать. Это дошло до правительства в Иркутске. Потом послали туда этих студентов университета, геолого-разведочного факультета, и они стали раскапывать. Вот они все. И там находили, вот тут написано же, тут и вещи показаны в газете. Вот череп. Куропаты называется. Вот вещи, видите, какие? Вот гробы. Череп кладут. Вот, видите? Вот что находили.

01:50:25

То есть, я правильно понимаю, когда открывали Пивовариху, просто захоранивали восемь гробов, вы сказали, просто восемь человек идентифицировали?

Да там собрали в эти гробы.

01:50:35

Там останки.

01:50:36

Останки.

01:50:38

Там людей как таковых не было. Там почва — глина. И всё перемешалось с глиной. Это делали курсанты, в общем...

01:50:53

И курсанты там были, и студенты.

- 01:50:55 Будущие геологи и курсанты училища КГБ, МВД. Там, вот на этом месте расстреливали людей, 1937-1938 год. Возили туда живых людей, расстреливали. Они сами себе копали рвы, пока живые были, и здесь же расстреливали, в эти рвы они падали. И плюс из тюрьмы, в тюрьмах расстреливали, две [нрзб] было. И сюда же привозили, в Пивовариху. И вот несколько лет там 12 тысяч людей было, 12 500.
- 01:51:29 Приблизительно, а еще больше.
- 01:51:31 Возможно, еще. Это по официальным данным.
- 01:51:33 Да, да, да.
- 01:51:34 И вот сейчас была реконструкция мемориала, мы еще туда не ездили. Там жуть что творилось. Люди местные находили вот там бытовые эти принадлежности. Местные люди знали, что там велись расстрелы, но боялись об этом говорить до поры до времени. Такое страшное место.
- 01:51:59 А вот я нашла документ, Чайкой подписанный, прокурор Иркутской области, государственный советник юстиции третьего класса Чайка. Это уже другой. Вот он тут написал. Написано... Так, по области, всё это я вам читала, по каким статьям и прочее, прочее, постановлением... Но не написано, что в белогвардейском там участвовал, что ли, этого ничего не написано. Это просто согласно копии свидетельства о рождении является — это мне написали, дочь я являюсь репрессированного НКВД. И написано, что по статье такой-то, такой-то такого-то постановления — расстрел с конфискацией имущества. Реабилитирована 9 апреля 1957 года. Чайка подписал. Вот видите. Это было в 1995 году. Значит, мама еще была жива. Или я это после смерти мамы ходатайствовала. Это мне было такое послано. Вот смотрите, пожалуйста. Это на меня документы. Это я себе уже эти... Семчишин написал, заместитель прокурора. Сколько я писала, никакого [ни] ответа ни привета. Куда только не писала! Вот сколько документов, посмотрите. И каждый по-своему писал. Вот здесь. А, вот это тоже мне реабилитация, чтобы признать меня, чтобы признать. Потом на брата писала, брата, чтобы признать, что мы дети его, что именно мы репрессированы тоже в связи с отцом.
- 01:53:56 **А я правильно поняла, что когда отца арестовывали, мать была беременна четвертым ребенком? Я правильно поняла, что она была беременна?**
- Да. Производством прекращено за отсутствием состава преступлений. Расстрел. А это я уже читала вам. Расстрел. Вот еще. А это в каком году? А это в 2002 году. Это я тоже писала. Ой, да сколько...
- 01:54:26 **А мама в каком году ушла?**
- В 1998. Это уже мне выдали. Вот чтобы получить вот эту справку моему брату, это сколько было написано, сколько ответов, и всё-таки я добивалась. И вот пришло наконец, мне. Справка о реабилитации, Карлова Евгения Агаповна. А сколько добивалась, что я не Карлова, а Нечипоренко. Свидетельство пришлось брать, а Карлова, копия, что по мужу фамилия. Согласно такого-то такого-то, Нечипоренко Агапа [нрзб] по таким-то статьям, определением военного трибунала... И дальше написано: «О реабилитации жертв политических репрессий определением Конституционного суда Российской Федерации от 18 апреля 2000 года Карлова Евгения Агапова как оставшаяся в несовершеннолетнем возрасте в попечении отца Нечипоренко А.Г., необоснованно репрессированного по политическим жертвам, признана подвергшейся политической репрессии, реабилитирована». Это уже Корженев писал. Это очень много было, настолько много. Вот на брата тоже там, Владимир Агапович, младший брат. Ой, я так расстроилась, что вообще это... Знаете, не дай бог никому, никому. Очень хорошее

стихотворение написано из [нрзб]: «Из каптерки пайка показалась, не поверил я своим глазам, шла она, к довеску прижималась, а с довеском было 300 грамм. Эх, черный ворон, черный ворон, Москва, любимая Москва, о тебе все думы и слова, ты мой умысел раскрыла, длинным сроком наградила и послала в лес пилить дрова. За что сижу, воистину не знаю, но прокуроры всё-таки правы, теперь сижу в Заполярном крае, где при царе бывали в ссылке вы». «Письмо Сталину». «Тишина и покой в этой келье сырой. Монастырь этот смотрит уныло. Сколько дум и страданий, и сил молодых здесь навеки угроблено было». «На пеньки нас становили, раздевали и лупили. Ах зачем меня моя мама родила?» «Живем мы...» Не надо читать?

01:57:16

Можно. Если хочется читать, почему нет?

Ну всё, не читаю.

01:57:21

Это кто писал?

Вообще, вот написано, я переписала из «Покаяния» Анатолия Знаменского. Или это тот артист, его звали Анатолий Знаменский, он же тоже арестован был, у него отец знаменитый, заслуженный, или... Это случайно. Я ехала в электричке, мужчина ходил и раздавал листочки, но это было очень давно, очень давно, раздавал листочки и говорит: «У кого есть ручка, перепишите». А я листочек у него попросила и переписала, а потом, пока ехали, ему отдала. Второй раз еду, он опять раздавал. Вот я переписала это стихотворение. Ну это уже я писала стихотворение.

01:58:19

Евгения Агаповна, а вы в семье с родителями их на «вы» называли? Вы говорили, что тятя, да, отца называли. Но на «вы»?

Нет.

01:58:29

На «ты»?

На «ты».

01:58:31

«Тятя, пойдем есть».

Да.

01:58:32

И с мамой тоже на «ты» были?

И с мамой на «ты». Ну такого не было. Ну они же были из деревни люди, хотя и умные, но не получили образования. Униженные потом, оскорбленные, как по Достоевскому.

01:58:51

А вот когда вы становитесь пионеркой, комсомолкой, в квартире, в доме у вас иконы на виду стояли? Или мама убрала их потом в какой-то момент?

Нет. Она не убирала никогда.

01:59:04

А вы ругались с ней из-за этого?

Нет. А я же потом в партию вступила и была партийная. И проводила политзанятия с учителями в той и в другой школе.

01:59:18

Как к этому мама относилась?

Никогда никак, спокойно. «Твой путь». Молча, никогда... Выбрала путь — иди этим путем, и

дело твое. И когда я съездила в 1989 году на открытие мемориала, и на следующий, ну, через неделю, ну не знаю, один же раз политзанятия. Я уже в вспомогательной школе работала и проводила занятия. Я рассказала всё: что я была там-то там-то. Но это было еще при советской власти. Я рассказала, что то-то, то-то, то-то, то-то я видела. Очень все восприняли, но были люди, которые отнеслись так себе, пренебрежительно. Виду не показали. И вот, мне вот здесь, по-моему, я... Что как мама говорила... А вот, я нашла, вспомнила. «Ехали в телячьем эшелоне с маленькими детьми, крик, плач, шум, вагон без нар, с глухим окошком, с конвоиром, шастает то тут то там. Переехали Байкал и доехали на станцию Гришево. Вагон, набитый до отказа, выгрузили в ночь под открытое небо». Это я записала. Что еще? «Судьба. Лишили хозяйства, дома на берегу Аргуни и земли и приговорили к ссылке вместе с домочадцами его семью, 1933 год. По всему, по всей России наступила черная, страшная година». Ну, это я кому-то писала, я уже забыла, кому и что писала. Вот у меня список всех сосланных переселенцев, которые жили на Жилгородке. Кто-то из них расстрелян, кто-то отсидел, кто-то умер, кто-то ушел. Потому что я помню все вот эти бараки, кто в каком бараке, потому что в школе когда учишься, знаешь же, потом общался, уже взрослый. И вот все, ну какие они кулаки, боже мой! Буторина, в одном бараке мы жили. Мама родная! Ракитины, Глоба, ой, Башуровы, Аршинская, Абрамовы, Обросимовы, Куроптев, Токмаковы, Тужиковы, Галя. Да я со всеми с ними училась. Какие они богачи? Мама однажды правильно сказала, ну, это не надо писать нигде, мало ли что, еще отразится на моей семье. Там сделайте по-своему, корреспондент. На моих домочадцах. «Кулаки-то, — говорит, — там остались». Это надо полагать. А мама мудрая, умная женщина. Да не одна мама это говорила.

02:02:39

Вот в этом поселении, где столько людей, вас как-то охраняют? То есть это как зона была или ходили отмечаться куда-то взрослые? Как это было устроено, жизнь вот в этих бараках?

Я не помню, не помню вот этого. Все жили нормально, работали. Мы играли, ребятишки, друг с другом, и мы никогда об этом ничего не говорили и не знали до того времени, пока наших отцов не стали арестовывать.

02:03:08

То есть это не была зона, не стояло вышек?

Нет, нет, нет, никакой зоны. Это обычные, сейчас там построены огромные дома, четырехэтажные, а бараки эт[и] были построены даже, может быть, и не для этого, кто их знает. Это же репрессии начались еще с 1928 года, когда в Ростове-то, Шахтинске, вы, наверное, читали, произошло. Там же вообще всех расстреляли. А потом на Кавказе, в Грузии расстреляли всех пришли. Это же вообще кошмар. Вот я читаю, смотрю, я выписывала журнал «История России». Сейчас перестали его выпускать почему-то. Это началось всё еще в двадцать... после смерти... Да, после смерти Ленина, в 1928 году всё это началось.

02:04:05

Мы прервались, ну просто вы остановили рассказ, когда вы в актовом зале и вам объявляют о смерти Сталина. Вы сказали, что вас всех собрали в актовом зале и объявили о смерти Сталина. Как вы к этому отнеслись? И как мама отнеслась?

Плакали.

02:04:29

И мама?

Ну, я-то была в это время там, а мама дома была. Вот этого я не помню. Спокойно. По-моему, спокойно. Но дело в том, что всё равно в какой-то мере, я не помню, потому что мама своих мыслей никогда вслух не высказала и не старалась вовлечь в беседу с собой.

02:04:58

Она отца ждала?

Ждала. И не верила. Она не верила, что это произойдет. И вот, по-моему, когда... Вот не помню, когда она узнала, что расстреляли, стала... Не помню. Мама скрытная, сама себе на уме, такая строгая и добрая. Много она пережила, и не хотела нас, по-видимому, вовлечь в это, чтобы мы переживали. Не хотела, чтобы это отразилось, может быть, на нашей судьбе. Кто знает. Я еще молодая была. Ваня рано ушел на фронт и вернулся поздно, прожил немного и уехал к жене на Украину. Кто их знает?

- 02:05:58 **Это ваше свидетельство о рождении?**
- А?
- 02:06:01 **Это ваше свидетельство о рождении?**
- Нет, это мамино, Пешкова. У нее Пешкова девичья фамилия. [нрзб] Такое-то. Вот отец Михаил Федорович, мама Дарья Петровна. Где она родилась — она родилась в «Старочерухайтуй». А вообще, это село было Староцурухайтуй. А здесь «че» написали. Быркинского района Читинской области. Она там родилась. А вот как она попала в Кути? Я ее спросила, оказывается, недалеко было расположено. А как познакомились, тоже не знаю, мама об этом не говорила. Да в то время и не принято было говорить. Это сейчас подробно друг другу рассказываем всё, а тогда-то, знаете, ну, женился, вышел, поженился. Полюбили друг друга, встретились. По любви выходили всё равно, но только не регистрировали брак, а в церкви это тоже, значит.
- 02:07:08 **А когда вы выходили замуж, ваш супруг знал, что вы из семьи?..**
- Знал. Ой, да все знали друг друга. Все знали.
- 02:07:20 **То есть он знал, что вы из семьи репрессированных, что отец репрессирован?**
- Да. Да. Все мои девчонки жилгородские, все выходили замуж не за плохих парней, за хороших. Супруг был комсоргом у нас на сользаводе, я была членом комсомола. Там познакомились. В оркестре играл. Ой, это были счастливые годы. Еще вот писали, видите, тогда в то время ничего не было, от руки писала всякие бумажки.
- 02:07:58 **Справка.**
- Да. Это я собрала право на возврат, постановление. Сколько бумаги надо. Это я решила всё проверить, что-то уничтожить, что-то оставить, кому это надо или не надо. Ну, это надо всё уничтожить.
- 02:08:23 **Не надо ничего пока уничтожать. Если...**
- А это я писала, помните, Татьяна Георгиевна? В газету-то мы писали, в книгу-то, в книгу.
- 02:08:34
- Да.
- 02:08:35
- Репрессии. Вот эти черновики у меня еще остались.
- 02:08:42 **А вот скажите мне, пожалуйста. Вот когда маме выдали это свидетельство о смерти, о том, что отец умер от язвы желудка, это происходит уже в 1958 году, уже Сталина нет. Как вам кажется, вот вы думаете, почему, зачем выдавали такие ложные свидетельства о смерти? Причина какая?**
- Льготы, льготы, льготы. Вот постановление. Льготы. Да и мы все считали, что это уже ошибка правительства Сталина, хотя перед ним преклонялись и вставали, и «ура!» кричали, и плакали и рыдали, когда умер. А потом, с годами, когда стали появляться документы закрытые, никому не известные, люди уже по-другому стали смотреть на это событие. «О мерах социальной поддержки реабилитированных лиц и лиц, признанных пострадавшими от политических репрессий в Иркутской области». Вот ради этого. Вот тут всё написано, что положено, что вот нам Татьяна Георгиевна, эта молодчина, она сидит. Она нас всех, как мама родная, она беспокоилась, и вот это всем раздала такие. Вот ради этого хлопотали, чтобы льготы получать.

- 02:10:05 **Нет, про льготы мне понятно, мне непонятно, ну вот как вы можете объяснить? Вот Сталина уже нет, вот уже прошел XX съезд. Зачем семьям выдали ложные свидетельства о смерти? Почему в этих свидетельствах написано, что он умер от язвы желудка?**
- А я откуда знаю?
- 02:10:26 **Ну как-то вы объясняете это? Зачем же это было сделано?**
- Да мы сразу этому не поверили. Всё это ерунда самая настоящая, мама сразу не поверила. А я, уже будучи взрослой, вообще на это смотрю. Людей... Надо было выполнить план кому-то придуманный, «враги окружают всех», и решили, выбивали из них всякие допросы, избивали, представьте себе, раздевали догола. Те, которые служили, они всю жизнь и во все эпохи были, есть и будут, которые стараются выглядеть перед другими, которые ходили, подслушивали: ага, не так рассказал, не то сказал. Были такие специально подобранные люди, и были в то время, и при советской власти, и сейчас есть. Вы думаете, сейчас нет? Есть.
- 02:11:29 **А вы по работе сталкивались с сотрудниками НКВД, КГБ?**
- Ой-ой, так я в последнее время социальным педагогом была, мне директор не разрешил уйти. Детдом, сто человек, всем нужно оформить пенсию, всех признать инвалидами, если они действительно. Сколько милиции ходило, их разыскивали с милицией, убегали дети. Ой, сколько угодно. Но я всегда ненавидела в черных шинелях страшных людей, милиционеров, когда они пришли к нам первый раз в дом. Но потом пришла к выводу... Даже есть мужчина, у которого в Усолье его родственники, он арестовывал, и издевался, и избивал здесь, когда арестовывали, я знала. Хотя об этом никому не говорила, и до сих пор родственники... А он арестовывал и присутствовал при допросе, составлял вот эти протоколы. Уже здесь, в Усолье.
- 02:12:37 **Вы это знали, потому что люди так говорили? Люди говорили, что это...**
- В документе написана его фамилия была когда-то. У кого-то в документе.
- 02:12:49 **Вы не убирайте пока, вы нам еще про эти фотографии расскажете, мы переставим камеру.**
- А вы не устали?
- 02:12:55 **А вы устали, хотите отдохнуть?**
- Нет. Я не знаю, я хочу, чтобы побыстрее закончить. Закончить.
- 02:13:03 **Тогда один просто вопрос, и мы переставимся на одну камеру, просто через плечо, чтобы про фотографии рассказать.**
- Вот мой брат.
- 02:13:13 **Это старший же, Иван.**
- Да, старший, Иван. [Нрзб] учился. Красавец был. Девчонки бегали.
- 02:13:21 **Вы хотели и удалось ли вам получить, прочитать дело отца? Или не ходили в КГБ, не писали запрос?**
- Хотела, но не стала. Потому что то, что там написано, многие рассказывали, всё это неправда. Даже одна... Я училась еще после смерти Сталина дальше, пока я закончила в 1955 году или 1956-м, я уже забыла, когда закончила. Она рассказывала про одного соседа, который... Нет,

где-то справка. Который служил там. Не знаю, насколько это правда, такие вещи рассказывала она, уже не боясь, после смерти Сталина. Когда уже все... И когда выяснилось, у нас в группе, мы все молчали, никогда не говорили, комсомольцы, вступили в комсомол. Молчали и об этом не говорили, а когда после смерти Сталина у всех развязался язык, и оказалось, половина у нас группы, у которых отцы расстреляны. Но уже никому ничего не докажешь. Расстреляли, били, истязали, под пытками у них всё: «подпиши, подпиши, подпиши». Как рассказывала Танечка, ныне покойница. Училась у нас, говорит: «Дядька у меня в Иркутской тюрьме, было, он такие вещи рассказывал». Но она уже рассказывала после смерти [Сталина], до этого она молчала, училась, все боялись. И вот это чувство страха, оно и до сих пор живет. Вот я боюсь за свою семью, мало ли что еще произойдет, поэтому статья должна быть хорошо написана.

02:15:22

Я же не пишу... [Вырезано] ...И мы жертвы.

А вы знаете, когда арестовали отцов у нас, мы были дети, но мы с годами выросли. Понятие одно в детстве, а совершенно, когда вырастешь, другое. И вот это чувство страха: молчи, нигде не говори, ты ребенок врага народа. На тебя посмотрят, и еще неизвестно, что будет дальше, если ты расскажешь лишнее. Чувство страха родилось с детства, и оно осталось у меня до сих пор, и, наверное, с этим я умру. Теперь уже чувство страха не за себя, а чувство страха за свою семью, за своих внуков и правнуков. И вы никогда не найдете истины, кто бы вам прямо раскрылся до конца. Тот же работник НКВД и члены семьи, потому что не помнят: в детстве относились просто спокойно, а уже пройдя и повзрослев, по-другому стали смотреть на это. А что будет еще дальше? А может, еще повторится? А вдруг это коснется моей семьи? Вот это чувство страха, оно никогда ни у кого не исчезнет. Те, кто пострадал, и с детства перетерпел и обиду. Я же говорю, как по Достоевскому: оскорбленные, униженные. Вот эта униженность, вот это пренебрежительное отношение: ах, ты не такой — а я встречала это в детстве. Не я одна, с Лидой мы. «Что с ними играть? Они же дети врага народа». Это страшно. Кто не пережил, тот никогда не поймет, а кто пережил, тот поймет. Как? Ну как? Мама молчала. Боялись все. Соседи боялись друг друга. «Не надо это говорить. Не надо ничего говорить. А вдруг опять, а вдруг тебя арестуют, а вдруг дети останутся одни». Вот там эту мать у этих детей забрали, а детей в детский дом отдали. Вот оно, чувство страха.

02:17:59

Последнее, всё. Хотела сказать.

Ну, спрашивайте, ничего.

02:18:04

Еще из всех наших фотографий так и не появилась фотография отца. Как он выглядел?

А, есть. Сейчас дам. Ну, спрашивайте. Я, может быть, что-то лишнее сказала.

02:18:15

Ничего лишнего вы не сказали. Вообще всё, просто, знаете, как есть, так и сказали.

Может быть, не то...

02:18:26

Там же, я видела фотографию отца.

02:18:27

Нет.

02:18:29

Здесь не было.

Была, была.

02:18:34

Я уже где-то...

02:18:35

Которую вы в книгу выбирали.

02:18:37

А где здесь?

02:18:39

Вот среди вот тех фотографий посмотрите.

02:18:42

Татьяна Георгиевна, а есть, да, свидетельство о смерти, где написано «расстрел»?

Вот я вам книгу дам. Я поставила в книгу два свидетельства.

02:18:51

Да, вот я...

[Нрзб] специально. Свидетельство. У Тамары Афанасьевны отца первое свидетельство...

02:18:59

А где это?

02:19:02

Там [нрзб], здесь же расстрел.

02:19:03

Именно так...

Несколько, несколько эпизодов таких [нрзб].

02:19:08

А где вы видели? Здесь?

02:19:10

Там где-то, да. Да, да, да. Вот в этой... Вот же, вот, вот.

02:19:14

А, вот это он на службе. Вот это он тут. Служил когда. А где-то еще. Ну, тут не видно. Это мой младший брат. Это вот отец. Это мне копии, знаете, послали. Студенты приехали сюда, и кто-то послал ко мне. И вот они сделали копии, фотографии забрали, они тоже искали. Там потом он стал, конечно... Это сестра Мария, она всю войну прошла. Вот она, сестра.

02:20:00

Здесь же тоже Агап Георгиевич есть.

02:20:01

А?

- 02:20:02 Агап Георгиевич тоже здесь есть?
- 02:20:04 Где?
- 02:20:07 **Это одна и та же фотография.**
А это та же самая.
- 02:20:09 Ну, да, да.
- 02:20:09 Копия. Это мне студенты послали. А копии, они мне копии послали, а эти, по-видимому, забрали. И вот еще у меня. Где? Сейчас я. Ой. А, вот. Ну, это уже я сделала. Вот это я фотографию делала. Такой же портрет был моего отца. А вот такой... У мамы много было фотокарточек, но мы переезжали, почему-то не сохранилось. Вот только он служил. И такое же на мемориале было. Это моя мама, ей здесь уже около 50 с лишним лет. А здесь ему 25 или 26 лет. Это вот старший мой брат, это младший. Делала просто фотокарточку.
- 02:21:29 **Вот на этой фотографии вы когда объединяете — вот отец, да? — почему вы маму взяли не молодой, а вот эту фотографию, где она взрослая такая?**
Вы знаете что? Вот эта фотография, где она, маленькая-то, семейная-то? Вот. Я вот унесла, мне сказали, темная, не получится. Понимаете? Вот она молодая. Потом еще у меня где-то есть конверт, там она молодая, но это я случайно. А сейчас я нашла, вот где-то в конверте была еще фотография, там помоложе мама. Я случайно нашла у нее в альбоме. Искала. Вот я хочу переделать, чтобы сделать отца и маму помоложе. А здесь она, конечно, это я объединила. Это мама уже на пенсию пошла, по-моему, даже больше. Ей здесь, наверное, больше было, уже на пенсии она была, да. Это тетя Ира приезжала, мама уже на пенсии лет пять была. Это ей, наверное, тут лет 60 и больше, по-моему, даже больше.
- 02:22:54 **А вот на этой фотографии, здесь вы, мама и...**
А меня здесь нету.
- 02:23:01 **А вот это Иван, да?**
Это старший брат, Ваня. Мама и Ваня, старший брат. Меня здесь нет. Это сделано в Чите, в Читинской области еще до... Я не могла разобрать, вот видите, когда это было сделано. Но это было, наверное, сделано... Вот Ваня родился в 1925 году. Сколько ему, годика три?
- 02:23:27 **Да.**
1928 год. Вот это 1928 год. Как раз отец 1927-й и 1928 год служил в армии, мама говорила об этом, вот это я запомнила. Три годика. Это 1928 год, фотография.
- 02:23:41 **А в каких войсках он служил? Это же, вот это же его фотография, да? Вот она. Где он здесь?**
Вот первый стоит. Да, вот он, первый стоит. Мама говорила, каким-то командиром, что ли, был, не знаю.
- 02:24:08 **И не знаете, где служил?**

Ой. Не то в Красноярском крае... По-моему, в Красноярском крае призывали его. Не то в Иркутском, я не помню вот этого. Этого я не помню, не знаю.

02:24:37

Еще хотела спросить, а нет ли у вас фотографий, где вы в школе, школьница, школьных фотографий ваших?

Нет. Были эти фотографии, вот там мамы, мои были. Мы переезжали, куда исчезли эти фотографии? Учителем, я помню. Нет, где-то мы с братом. Я училась в каком же классе? Не то во втором, не то в третьем вместе с Володей. Где-то была такая фотокарточка. Я посмотрю сейчас, подождите. Вот это бабушка моя, которая вот здесь.

02:25:15

Бабушка, которая вот здесь?

Вот она, бабушка. Свекровь. Мама жила с ними в доме. Посмотрю в альбоме сейчас. Вот мама моя. Вот ее сестра, вот я. Какой год, не помню. Вот я вам сейчас еще покажу. Где-то еще была... Средняя школа напротив, где мы жили, дали нам квартиру. Вот она, средняя школа была, 1-я.